

«Циклопедия» Резы Негарестани: темная реальность или нерасшифрованное послание

Розин В. М.,
д. ф. н., Институт философии РАН,
rozinvm@gmail.com

Аннотация: Автор считает, что понять подобные произведения невозможно, не осуществляя реконструкцию содержания этих произведений. Для реализации заявленного подхода он выбирает в романе Негарестани тему открытости и особенности поэтики «Циклопедии». Разводятся две интерпретации открытости: относящаяся к обычным формам социальности (либеральным и экономическим концепциям, политике и др.), где так или иначе провозглашаются свобода и открытые отношения, и «эпидемическая открытость», в которой речь идет об открытости Внешнему, наступающей человека даже против его воли и поедающей его (отсюда название главы «Хороший обед»). По мнению автора, Внешнее можно интерпретировать как выслушивание тенденций «фьючекультуры» и одновременно как критику и распрямление концепций (либеральных, экономических, политических, социальных), претендующих на знание и прогнозы будущего, при том что на самом деле их авторы не могут вырваться за пределы сложившихся представлений модерна. Чтобы объяснить сравнение открытости с едой, автор предлагает рассмотреть тибетский архаический ритуал Чод, осваивая который, монахи предлагают себя на съедение демонам. Отсюда предположение, что Негарестани в период написания «Циклопедии» находился под влиянием архаических и мистических концепций. Высказывается мысль, что и другие темы «Циклопедии» для понимания нуждаются в реконструкции, но не все. Завершает статью анализ реальности произведения Негарестани: помимо обсуждения жанра *theory-fiction*, автор высказывает предположение о том, что реальность «Циклопедии» относится к феноменологической, репрезентирующей не внешние события, а особенности сознания Негарестани.

Ключевые слова: произведение, понимание, текст, истолкование, реконструкция, автор, читатель, реальность, события, открытость.

На этот роман обратил внимание мой сотрудник, молодой философ Иван Белоногов, рассказывая, что этим произведением особенно увлекается философствующая молодежь. Правда, весьма своеобразно. Иван утверждал, что молодежь от Резы Негарестани тащится в восторге. Это иранский философ, а жанр «Циклопедии» — *theory-fiction* («теоретическая выдумка»), хотя в романе чего только нет — циклоны, нефть, восточный мистицизм. Вслед за своими студентами Иван читает «Циклопедию», не спеша и вдумчиво (жанр «медленного чтения»), уже полгода, причем студенты добрались аж до 28-й страницы романа. Один довольно продвинутый и сильный студент сказал Ивану, что мечтает о философских текстах как о наборе конструктора «Лего», но из понятий. «Циклопедия», по мнению студентов, именно такова, ее можно читать и уяснять как веселую игру, позволяющую собрать и обрести собственное понимание.

Сам Иван в МГУ прочел студентам доклад, утверждая, что основные их мыслители-кумиры (Мийясу, Негарестани, Харман, Регёв, Монтлевич, Брайон Массуми) — всего

лишь маркетологи, продвигающие свои взгляды и теории. Многие студенты расстроились, но согласились. Еще Иван говорил студентам, что опасается Негарестани, поскольку он — представитель восточной ментальности, и непродуманное чтение его работ может обернуться для европейцев поражением на политическом поле: а вдруг Реза как идеолог современного ислама специально забрасывает свои взгляды и таким способом заражает нас своим мировоззрением?

Культовый характер «Циклопедии» подтверждают и переводчики этого произведения. В аннотации к последнему изданию романа мы читаем: «За прошедшие с момента первой публикации десять лет “Циклопедия” приобрела культовый статус и оказала заметное влияние на специфику современного интеллектуального производства. Ее жанр обычно определяют как теоретический фикшен, но за этими контурами скрываются хоррор, спекулятивная теология, политический самиздат, история Земли и будущее нефти... “Циклопедия” — одна из книг, формирующих интеллектуальные поиски нашего времени» [3, с. IV].

Не стоит удивляться тому, что Иван и его студенты читают очень медленно. Действительно, основной текст «Циклопедии» (вспомогательный, контекстуально вполне обычный) просто так, с ходу понять невозможно, он нуждается в продумывании, версиях, как в детективах или в ходе расследования преступлений, а если говорить научно, то в специальных интерпретациях и реконструкциях. И подобные реконструкции «Циклопедии» уже есть. Одна из них принадлежит Д. Хаустову. Дмитрий Станиславович, в частности, обсуждает две интересующие и нас темы — особенности поэтики «Циклопедии» и важную для Р. Негарестани тему *открытости* (Внешнему, экономике, социальному порядку и пр.).

Например, он пишет следующее. «“Циклопедия” на манер хорошего (квази-)детектива требует от читателя сосредоточиться и поучаствовать в поиске “истины”, где этой “истиной” и оказывается сама возможность такого (пост-)жанрового синтеза, как... *theory fiction*. Как мы должны, скажем так, рационализировать этот синтез, чтобы две его главные части — и теория, и фикция, — вступая друг с другом в лихой симбиоз, не уничтожили друг друга — сразу и безоговорочно, еще на уровне собственных условий возможности? Пускай: эзотерика, геополитика, джинны и черви — но в чем, как сказал бы Ален Бадью, философский протокол вопроса?.. Или: потоки и срезы, шизописьмо, петрополитика, но как насчет художественной образности и захватывающих SF-нарративов?.. По мере сил следует разобраться хотя бы с поставленными вопросами, которых, само собой, в случае «Циклопедии» можно поставить значительно больше... <...>

Открытость — не предельное, так сказать, дело человека, а скорее дело внешнего, понимаемого как все минус человек, даже собственное тело человека. <...> Парсани показывает, что человеческая открытость обладает стратегическим и запутанным духом, для которого каждая коммуникация — тактика и каждая открытость — стратегия в процессе развертывания. <...> Сложно изучать мировую политику, культуру и экономику, не ставя под вопрос ее проблемы и заботы в отношении этики открытости. Исследования Ближнего Востока были бы невозможны без вопроса об открытости...

Открытость Внешнему как главный вопрос (к нему без труда редуцируются все остальные вопросы) писаний Парсани (один из главных героев “Циклопедии”, профессор Тегеранского университета, археолог и исследователь месопотамских оккультных учений Ближнего Востока и древней математики. — В. Р.), таким образом, и главный вопрос Резы Негарестани в его “Циклопедии”. Вопрос об открытости автор-макгаффин умело проводит сквозь все многочисленные сюжеты, переполняющие его ксенопоэму: от нефтепотоков, войны с терроризмом, дырявой, червивой земли до

еретических крипто-текстов, пронизывающего пустынный ислам древнего зороастризма и Молоха, открывающего врата Внешнего, или — ужасного и бесформенного Внешнего из “Нечто” Джона Карпентера, или — не менее ужасного углеродного монстра из “Фантомов” Дина Кунца (которого Реза Негарестани так же ловко номинирует на роль Внешнего) и так далее» [6]. Кое-что в этой цитате тоже нуждается в интерпретации и реконструкции. Но такова вообще судьба гуманитарной науки: как писал Ж. Делёз, созданные гуманитариями интерпретации в свою очередь нуждаются в интерпретациях.

Чтобы быть конкретным и не расплываться в обобщениях, рассмотрим одну главу «Циклопедии» — «Хороший обед: шизотрагическая кромка», где речь как раз идет о понимании Р. Негарестани открытости [3, с. 201–214]. В этой главе нетрудно увидеть два относительно самостоятельных нарративных построения. В первом Р. Негарестани разводит понимание открытости, относящееся к обычным формам социальности (либеральным концепциям и действиям, экономике, политике и пр.), где так или иначе провозглашаются свобода и открытые отношения; во втором, названном «эпидемической открытостью», речь идет об открытости Внешнему, которая не только настигает человека, даже против его воли, но и буквально поедает его, разрывает на части (отсюда название главы — «Хороший обед»).

«Экономическая открытость, — пишет Р. Негарестани, — это псевдорисковый маневр, симулирующий коммуникацию с Внешним. Но все же для такой открытости внешнее — не что иное, как среда, которая уже оказалась допустимой как то, что не ставит в опасность каким-то фундаментальным образом выживание субъекта или окружающего его порядка. Так что это “бытие открытым” — всего лишь предельная тактика аффорданса, применяемая интерфейсами границы с Внешним... По этой причине так называемая (экономическая) открытость репрезентирует допуск и вместимость выживания ее субъектов, а не сам акт открывания себя...

Открытость — не самоубийство, поскольку она заманивает выживание в саму жизнь, где “жить” — это систематическая избыточность. Поскольку Внешнее в его радикальной экстерииорности повсюду, его нужно только пробудить, чтобы оно рванулось и стерло иллюзию экономической апроприации или закрытия. Открытость — это война, чтобы работать, ей нужны стратегии. Открытость — это не антропоморфное желание быть открытым, это бытие открываемым, производимое самим актом открывания. Раскромсанность, вспоротость, расколотость и вскрытость — вот телесная реакция субъектов на радикальный акт открытия...

Эпидемическая открытость входит как криптогенное событие в форме расчленения (открывания и бытия открываемым одновременно). Внезапно, без предупреждения расчленяющая открытость вскрывает вас (единственный вопрос — “откуда она начинается?”); она превращает вас в изысканное блюдо, в свежее мясо... новая пища для новой земли...

Стань свежим обедом: обелиском, монолитом, мировым деревом и телом деспота. Но как приготовить из себя новую еду, неотразимую приманку для открытости, которая идет пожрать обед? Если голод указывает на конкретное смешение между объектом желания и разрушением этого объекта, прожорливость указывает на уничтожение всего, что насыщает чувства. Эпидемическая открытость пожирает и кромсает с такой прожорливостью, что открытость теряет все свои знаковые и качественные аспекты. Широкая открытость, открытый разум, открытый простор и открытый мир, все субъективно утверждаемые модусы открытости становятся нерелевантными. Такие пространственно-логические манифестации открытости переустанавливают логику экономического подавления внутри аксиом либерального здравого смысла. Радикальная открытость не может быть понята как “широкая открытость”, подходящая для покорных

либеральных политиков экономии выживания или адвокатов возможностей; она означает пожирание открытостью» [3, с. 203, 204, 205, 206, 207].

Как все это можно понять? Можно ли, например, понять, что такое эпидемическая открытость или Внешнее? Рационально из текста — нет. Или почему приход Внешнего поедает человека, кромсает и разрывает его? Тоже нет. Но что если попробовать проникнуть в сознание Резы Негарестани, конечно, не буквально, а реконструируя возможные ходы его мысли и ассоциации. Например, в современной культуре есть такой сюжет, как деконструкция («распредмечивание», как говорят методологи Московского методологического кружка) форм мысли (в том числе экономических и социальных), апеллирующих к идеям и концепциям свободы и открытых отношений, демонстрация того, что на самом деле в большинстве случаев нет условий для реальной свободы и открытых отношений, например, поскольку они сформированы и обусловлены институциональными и властными отношениями (М. Фуко).

Или другой сюжет: обсуждение двухстороннего процесса — порождение (конструирование) ментальной и социальной реальности человеком (посредством языка, схем, деятельности) и детерминирование (обусловливание) его поведения и деятельности социумом и культурой. Уже Георг Зиммель отмечал, что человек создает культуру и социальность, которые начинают его полностью определять, причем часто против его желаний. Сюда же добавляются сюжет кризиса модерна и выслушивание человеком новых тенденций следующей становящейся культуры — «фьючекультуры». Я бы интерпретировал Внешнее, с одной стороны, как улавливание и выслушивание тенденций фьючекультуры, с другой — как критику и распредмечивание концепций (либеральных, экономических, политических, социальных), которые претендуют на знание и прогнозы будущего, но на самом деле не могут вырваться за пределы сложившегося модерна, его фундаментальных схем, и поэтому продолжают определять и детерминировать видение и поступки современного человека.

А при чем здесь «Хороший обед»? Рискну предположить, что эта схема и метафора взята Резой Негарестани прямо из архаической культуры. Вот интересный архаический ритуал (обряд) Чод, до сих пор практикующийся в Тибете монахами. В основе этого обряда — вера в существование демонов. «Тибет, — замечает Дэвид-Ниль, — страна демонов, которых по поверьям и легендам больше, чем населения страны; они охотятся за людьми и животными, похищая у них “дыхание жизни”, потребляемое демонами в пищу. В функции официального ламаизма входит подчинять демонов, перевоспитывать их, делать из них покорных слуг, а в случае непокорности обезвреживать или уничтожать» [2, с. 99]. Вероятно, одна из задач ритуала Чод — обучать молодых монахов (трапа) общаться с демонами. Но в крайне своеобразной форме, предлагая им себя на съедение. При этом жертва, обращаясь к демонам, выкрикивает следующие заклинания:

«На протяжении беспредельного ряда веков, в процессе повторяющихся существований, я заимствовал у бесчисленных существ в счет их жизней — мою пищу, мою одежду и всевозможные блага, чтобы содержать мое тело в добром здравии, в радости и защищать его от смерти. Нынче я плачу долги, предлагая на истребление свое тело, которое я так любил и лелеял. Я отдаю свою плоть алчущим, кровь жаждущим, свою кожу тем, кто наг, кости свои я бросаю на костер для тех, кто страдает от холода. Я отдаю свое счастье несчастным, свое дыхание жизни — умирающим» [24, с. 105–106]. При этом трапа представляет, что его воля в образе божества женского пола выходит через макушку наружу, одним махом отсекает резаком ему голову, затем руки и ноги, сдирает с трапа кожу, вспарывает живот, и на это угощение со всех сторон слетаются демоны, которые, смачно чавкая, пьют ручьями текущую кровь, рвут мясо, разгрызают кости. «Постановка спектакля, — пишет Дэвид-Ниль, — рассчитана на устрашение исполнителя, и так

искусно, что некоторые из трапа во время совершения церемонии внезапно сходят с ума и даже падают замертво» [2, с. 100].

Ясно, что перед нами архаическое и религиозное мировоззрение. Но существуют и рациональные, психологистические осмысления Чода. Однажды Дэвид-Ниль обсуждала с отшельником из Га (восточный Тибет) случаи скоропостижной смерти во время заклания демонов. Она предположила, что все трапа умерли от страха в результате объективации собственных мыслей, если же, размышляла Дэвид-Ниль, человек не верит в демона, тот победить его не может. В ответ на это анахорет сказал:

«— По вашему мнению, достаточно не верить в существование тигров, и можно спокойно возле них прогуливаться — ни один тигр вас не тронет?

— Объективация умственных представлений — очень таинственный процесс, безразлично, происходит он сознательно или бессознательно. Какова участь этих созданий? Может быть, подобно младенцам, рожденным от нашей плоти, они — дети нашего духа — ускользают из-под контроля, и с течением времени или сразу начинают жить самостоятельной жизнью.

— Не следует ли также предположить: раз мы можем породить их, то есть на свете и другие существа, не похожие на нас, но обладающие такой же способностью. Если подобные магические твари существуют, то нет ничего необычного в том, что мы приходим с ними в соприкосновение — либо по воле их создателей, либо потому, что собственные наши мысли и действия создают условия, позволяющие этим созданиям дать знать о своем присутствии и проявлять активность.

Затем уже менее серьезным тоном закончил:

— Необходимо уметь защищаться от тигров, созданных вами же или порожденных другими» [2, с. 103–104].

В данном случае психологическое объяснение соединяется с мистическим мироощущением: с одной стороны, оригинальная, с психологической точки зрения, концепция, что созданные нами образы оказывают на нас реальное, иногда даже сильнейшее влияние, с другой — истолкование этих образов как реальных живых существ.

Теперь сакраментальный вопрос, правда, относящийся не только к данной, а и любой эзотерической (мистической) доктрине: в какой степени реальны все указанные феномены? Приведенное здесь размышление отшельника из Га позволяет отнести их к реальности психики человека и одновременно к объективной реальности вне человека.

Так вот, нельзя ли предположить, что Реза Негарестани в период написания «Циклопедии» был под большим влиянием архаических и мистических концепций, возможно, даже читал исследования Дэвид-Ниль. В результате он склоняется к выводу, что необходимое условие пришествия Внешнего — процесс, напоминающий обряд Чод. Только не в архаическом варианте, а современном, поэтому Негарестани, создавая нарратив, описывает этот процесс в символической форме. Кто-то может усомниться, зачем, спрашивается, для выслушивания становящейся фьючекультуры уничтожать выслушиваемого субъекта? Все зависит от того, во что вы верите в данный момент. Реза Негарестани в тот период, вероятно, не сомневался в существовании демонов, недаром в анализируемой главе он пишет о Друдже (Лилит, Черной луне) и Сатане.

«Согласно Ахт-Яту и культу Друдж, Матерь Мерзостей (зовите ее лезвием открытости или ксенобурей) всегда настигает тех, кто живет, и мы должны жить (в самом организационном и выживательном аспекте этого процесса) ради аффирмации такой катастрофической интенсивности Внешнего. В глубинах Открытости политика Вкусного Обеда прославляет иронию консервации: каждый юань, который вы кладете в карман, аккумулирует больше возбуждения для Жизни-Сатаны или восторга резни, как это

следует называть. Разве все монотеистические наставления на фоне этой панорамы не выглядят танцами на мрачном празднике политики Вкусного Обеда?» [3, с. 207].

Впрочем, самые рациональные мыслители прибегали к подобным схемам, образам и метафорам, считая, что за ними стоят реальные, натуральные феномены. Вот всего два примера. «Условия подлинной критики и подлинного мышления, — пишет Ж. Делёз, — одинаковы: разрушение образа мышления — как собственного допущения, генезиса акта размышления в самом мышлении. В мире есть нечто, заставляющее мыслить. Это нечто — объект встречи, а не узнавания. Встреченное может быть Сократом, храмом, демоном... Вспомним глубокие тексты Хайдеггера, показывающего, что пока мышление ограничивается допущением своей доброй природы и доброй воли в форме обыденного сознания, *ratio, cogitatio natura universalis*, оно вообще не мыслит, будучи пленником общественного мнения, застывшего в абстрактной возможности: “Человек может мыслить тогда, поскольку имеет такую возможность, но возможное еще не гарантирует того, что мы будем на это способны”; мышление мыслит лишь насильно, вынужденно встречая то, что “заставляет задуматься”, то, что следует обдумать, — а обдумать нужно и немислимое или не-мысль, то есть тот постоянный факт, что “мы еще не мыслим”» [1, с. 181, 135].

«Со всех сторон, — говорил Г. П. Щедровицкий в одном из последних своих интервью, — я слышу: человек! <...> личность! <...> Вранье все это: я — сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли. И ничего больше <...> Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга своего мышления, а дальше есть действия мышления, моего и других, которые, в частности, общаются. В какой-то момент — мне было тогда лет двадцать — я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя как человека суть» [7, с. 9].

Я не настаиваю, что Р. Негарестани обязательно читал Дэвид-Ниль, важно другое: в «Циклопедии» он воспроизвел логику и события архаической и мистической реальности. Последнее не означает, что Негарестани — мистик и архаический человек. Иван Белоногов обратил мое внимание на то, что «Циклопедия» является ранней книгой Негарестани. После он открестился от этого произведения, занялся Гегелем и написал академическую работу о восточном Искусственном Интеллекте. В ней Реза предлагает сделать ИИ двухуровневым: на одном нужно воссоздать хаосмос воображения, фрактальный и голографический (абсолютный дух), а на другом — системы выборки из этого хаоса полезных идей (интеллект). Эта работа называется *Intelligence and Spirit* [8; 9; 10].

Вот примерно как, в каком типе рациональности можно расколдовать феномен открытости, обсуждаемый Негарестани. Однако это только одна непонятная тема; в произведении Резы их много — *пыль, почва, машины войны, нефть* и много других (см. глоссарий в конце книги). Стоит отметить, что, во-первых, другие реконструкторы-истолкователи тот же феномен открытости (так же как и другие непонятные темы) объяснят и осмыслят по-своему. Во-вторых, все же и остальные темы, вероятно, нуждаются в реконструкции и истолковании. Поэтому, чтобы понять «Циклопедию» целиком, нужно затратить большие усилия и время. Правда, вопрос, с какой целью необходимо расшифровывать абсолютно все темы произведения Негарестани? Может быть, этого не стоит делать, а ограничиться несколькими главными темами? Но вероятно, они у каждого свои.

Вернемся теперь к вопросу о жанре *theory-fiction* и более широкому обсуждению реальности «Циклопедии». Д. Хаустов показывает, что по отдельности *theory* и *fiction* имеют свою логику, но именно в их сочетании в тексте, с одной стороны, достигается

нужный художественный эффект, с другой — все же исчезают важные возможности каждого дискурса. «Во всяком случае, — пишет он, — таков один из путей толкования «Циклопедии»: это *theory fiction*, где всякая *theory* почти полностью отдается на откуп прожорливой, хитросплетенной, искусной *fiction* — иными словами, это художественная литература, заигрывающая с философскими концептами в художественных же целях, создавая из них, таким образом, этикие *фикшенцы*, *fic-concepts*, от *fiction* + *concepts*; плотно мастерское, увлекательное, но, увы, не работающее как философия, ибо псевдоконцепты “решают” лишь псевдопроблемы, а в философии все не так... Ну и ладно. Да здравствует фикция! Что до теории, то, увы, горе побежденным.

Однако другой из путей толкования «Циклопедии», конечно, значительно более сложный, но вместе с тем более интересный, потребует отступить назад и припомнить, что к необходимости масштабировать и форсировать производство фикции нас изначально вела именно теория, а не наоборот. Фикция отвечала теории...

Скрытое Письмо со всей ее стратегической неаутентичностью руководствуется теоретическим предположением: чем недоступнее Внешнее, тем оно реальнее. Чтобы стать дырчатými, мнимо-цельные области (тексты, мышление, мир) должны еще больше упорствовать в своей Целости. Или, с неизбежным реверансом в сторону Делёза и Гваттари: чтобы стать еще шизофреничнее, надо быть еще параноидальнее!.. Так и рождается гипер-закрытый, сверх-параноидальный текст «Циклопедии»: по замыслу автора, он открывается, закрываясь, и чем он сложнее и непонятнее, тем больше в нем неспрогнозированных дыр, тем ближе от него до Великого Внешнего. Герметизируясь до предела, делаясь издевательски нечитабельным, текст негативно отыгрывает саму вероятность Великого Внешнего тем, что ставит барьер нашим мыслям, желаниям, воле и прочим привычным экономическим внутренностям... “Настоящее внешнее находится не снаружи, а внутри — таков один из главных мотивов всей философии Негарестани”. Само собой, но внутри чего? Ответ: *внутри текста*, в черном ящике Скрытого Письма, где *theory* и *fiction*, с дьявольской интенсивностью сталкиваясь друг с другом, усиленно производят циклоны, и вихри, и водовороты — словом, тот *vortex*, который и делает Внешнее таким *невозможно-возможным*, каким его никогда не сделает ни теория, ни фикция по отдельности» [6].

К размышлениям Хаустова я бы добавил следующее. Соединение философской рациональности (дискурса) с художественной фантазией — дело в культуре Нового времени (особенно в XX столетии) уже достаточно привычное. Даже у автора есть философский роман «Вторжение и гибель космогуалов», выполненный в этом жанре [4]. Начинаю я его с обсуждения жанра *theory-fiction*. «В последние десятилетия прошлого века, — пишу я, — сложился новый жанр научной литературы. Внешне он даже и не похож на научную, поскольку чаще всего речь идет о романах. Содержанием этих необычных романов являются главным образом научные и философские проблемы, а также история творчества и жизненного пути их авторов. Предлагаемая автором книга относится именно к этой категории: и наука, и роман, похожа на автобиографическое повествование, но не автобиография. В этом плане, конечно, речь идет не о простом романе, а новом жанре, сочетающем в себе художественную форму и научный дискурс. Более того, такой жанр дает определенные преимущества в сравнении с чисто научными построениями. В романах типа «Маятник Фуко» Умберто Эко или «Шопенгауэр как лекарство» Ирвина Ялома автор может более точно и адекватно излагать свои научные или философские идеи, поскольку свободен от необходимости доказывать свои положения и более свободен в плане ограничений реальности. С этой точки зрения, хотя речь в таких романах вроде бы идет о рефлексии опыта автора, на самом деле это скорее теоретический конструкт, созданный всего лишь с опорой на авторский опыт с целью решить проблемы, которые волнуют автора» [4].

Но в одной из статей я развел два типа художественной реальности — традиционную и нетрадиционную, «феноменологическую». В феноменологической реальности художник описывает не внешний мир и других людей, а репрезентирует собственное сознание, где сосуществуют самые разные жанры и условности, в том числе могут сходиться рациональные и художественные дискурсы [5].

В этом плане «Циклопедия» — идеальный вариант феноменологического построения и реальности. Действительно, произведение Негарестани представляет собой интеллектуальную игру, предполагающую расшифровку содержания, причем в рамках той условности, которую задает автор. Эта условность индивидуальная, а не общепринятая. За ней лежит большая культура автора «Циклопедии», прекрасно знающего Восток, мифы, проблемы современности, феноменологию, французскую философию многое другое. Вопрос, имеет ли читатель доступ к этой культуре? Вероятно, кто-то имеет, но многие нет.

Вряд ли имеет смысл пытаться понять все построения Негарестани в «Циклопедии» (здесь нужно согласиться с Д. Хаустовым); только некоторые, самые важные для читателя темы нужно сделать предметом уяснения и реконструкции. Стоит уловить ассоциации, юмор, иронию, скользить по темам и нарративам. Правильно оставлять непонятыми многие построения «Циклопедии», если читатель отнес их к авторским фантазиям и ничем не обоснованным построениям. Тем не менее, Негарестани выстраивает определенный целостный мир, со своими событиями и устройством. Что это за мир? Ну, во-первых, как уже отмечалось, это мир сознания и творчества автора. Во-вторых, мир определенных идей, мифов, нарративов, авторского отношения. Образует ли такой мир органику и целостность? Зависит от творчества и усилий уже читателя: сможет ли он расшифровать авторские задумки и построения, обустроиться в мире «Циклопедии», в какой-то мере реализовать себя. Опять же, кто-то сможет, а кто-то нет (последних, вероятно, большинство).

Заметим еще, что явно проявляется поэтика текста, ведь «Циклопедию» можно читать, как слушать музыку. Решает ли при этом Негарестани реальные проблемы? Конечно, он, например, означает, символически прорабатывает, представляет в нарративах явления, которые до «Циклопедии» воспринимались как несвязанные, индивидуальные. Языковое и символическое осмысление и конфигурирование. Примеры, символы и нарративы открытости, пыли, машины войны, нефти, демонов и другие.

Подобной литературы постепенно становится все больше. Интересно, о чем это свидетельствует?

Литература

1. Делёз Ж. Различение и повторение. — Санкт-Петербург: Петрополис, 1998. — 384 с.
2. Дэвид-Ниль А. Мистики и маги Тибета. — М.: Васанта, 1992. — 232 с.
3. Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами / пер. с англ. П. Хановой. — М.: Носорог, 2019. — 272 с.
4. Розин В. М. Вторжение и гибель космогуалов. Философский роман о беседах, сновидениях и творчестве Марка Вадимова. Электронный вариант. — М., 2007. <https://textarchive.ru/c-2154601-pall.html>
5. Розин В. М. Художественная реальность романа Гузель Яхиной «Дети мои» // Культура и искусство. — 2018. — № 10. — С. 79–87.

6. Хаустов Д. «Циклопедия» Резы Негарестани. <https://spectate.ru/cyclonopedia-review/>
7. Щедровицкий Л. П. А был ли ММК? // Вопросы методологии. 1997, № 1–2.
8. <https://syg.ma/@russian-nomadology/enil-bava-kavia-tupost-i-duk-rietsienziia-naintielliekt-i-duk-riezy-nieghariestani>
9. <https://syg.ma/@russian-nomadology/rieza-nieghariestani-vsieliennyie-ighrushiechnoi-filosofii-chast-1>
10. <http://s357a.blogspot.com/2018/12/blog-post.html>

Reference

1. Deleuze G. Razlichenie i povtorenie [Discrimination and repetition]. — St. Petersburg: Petropolis, 1998. — 384 p. (In Russian.)
2. David-Neel A. Mistiki i magi Tibeta [Mystics and magicians of Tibet]. — Moscow: Vasanta. 1992. — 232 p.
3. Negarestani R. Ciklonopediya: souchastie s anonimnymi materialami / Transl. from Eng. P. Khanova [Cyclonopedia: complicity with anonymous materials]. — Moscow: Nosorog Publ, 2019. — 272 p. (In Russian.)
4. Rozin V. M. Vtorzhenie i gibel' kosmogualov. Filosofskij roman o besedah, snovideniyah i tvorchestve Marka Vadimova. Elektronnyj variant [The invasion and death of the cosmoguals. A philosophical novel about conversations, dreams and the work of Mark Vadimov. Electronic variant]. Moscow, 2007. <https://textarchive.ru/c-2154601-pall.html>
5. Rozin V. M. Hudozhestvennaya real'nost' romana Guzel' YAhinoj «Deti moi» [Artistic reality of Guzel Yakhina's novel "My Children"]. In. *Kul'tura i iskusstvo [Culture and Art]* — 2018. — № 10. — Pp. 79–87.
6. Haustov D. «Ciklopediya» Rezy Negarestani ["Cyclopedia" by Reza Negarestani] <https://spectate.ru/cyclonopedia-review/>
7. Shchedrovickij L. P. A byl li MМК? [Was there MМК?]. In. *Voprosy metodologii [Methodological issues]*. 1997, № 1–2.
8. <https://syg.ma/@russian-nomadology/enil-bava-kavia-tupost-i-duk-rietsienziia-naintielliekt-i-duk-riezy-nieghariestani>
9. <https://syg.ma/@russian-nomadology/rieza-nieghariestani-vsieliennyie-ighrushiechnoi-filosofii-chast-1>
10. <http://s357a.blogspot.com/2018/12/blog-post.html>

"Cyclonopedia" by Reza Negarestani: a dark reality or an unencrypted message

Rozin V.,
Institute of philosophy, RAS, Moscow,
rozinvm@gmail.com

Abstract: The article is devoted to the rational interpretation of the novel "Cyclonopedia" by the Iranian philosopher and writer Reza Negarestani. The author believes that it is impossible to understand such works if one does not interpret and reconstruct the themes and contents of these works. Realizing the stated approach, he discusses the theme of openness and peculiarities of the poetics of Cyclonopedia, which is important in the novel Negarestan. There are two different understandings of openness, which Negarestani discusses: openness, which refers to the

usual forms of sociality (liberal and economic concepts, politics, etc.), where freedom and open relationships are proclaimed in one way or another, and "epidemic openness", which refers to openness To the "outside" that overtakes a person, even against his will, and eats him (hence the title of the chapter — "a good dinner"). Explaining why Negarestania compares openness with food, the author proposes to consider the Tibetan archaic ritual "Chod", in which monks (including modern ones) offer themselves to be devoured by demons. The idea is expressed that other topics of "Cyclonopedia" need reconstruction for understanding, but not all. The article ends with an analysis of the reality of Negarestani's work: in addition to discussing the theory-fiction genre, the author suggests that the reality of Cyclonopedia is phenomenological, representing not external events, but the features of Negarestani's consciousness.

Keywords: work, understanding, text, interpretation, reconstruction, author, reader, reality, events, openness.